

ТЕОРИЯ, СТРАТЕГИИ

Научное мнение. 2025. № 11. С. 11–17.

Nauchnoe mnenie. 2025. № 11. P. 11–17.

Научная статья

УДК 159.923; 398.2

DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2025_11_11

ИСКУССТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В АВТОРСКОЙ СКАЗКЕ Ф. Р. ДУНАЕВСКОГО «ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРКАЛО»

Оксана Борисовна Вахромеева¹, Борис Аркадьевич Вахромеев²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

¹ o.vahromeeva@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9936-3159>

² b.vahromeev@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0000-4789-6666>

Аннотация. Ф. Р. Дунаевский оставил обширное литературное наследие. Он был автором единственной сказки под названием «Жемчужное зеркало». В статье впервые в научный оборот вводится авторская сказка, выясняются обстоятельства ее создания, анализируются психологические метафоры.

Ключевые слова: Ф. Р. Дунаевский, Е. Н. Верейская, психология личности, авторская сказка, психологическая метафора

Original article

THE ART OF PSYCHOLOGICAL METAPHOR IN F. R. DUNAEVSKY'S FAIRY TALE "THE PEARL MIRROR"

Oksana B. Vakhromeeva¹, Boris A. Vakhromeev²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia

¹ o.vahromeeva@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9936-3159>

² b.vahromeev@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0000-4789-6666>

Abstract. F. R. Dunaevsky left behind a vast literary legacy. He was the author of a single fairy tale, entitled “The Pearl Mirror”. This article introduces the author’s fairy tale into scholarly circulation for the first time, elucidates the circumstances of its creation, and analyses the psychological metaphors.

Keywords: F. R. Dunaevsky, E. N. Vereiskaya, personality psychology, author’s fairy tale, psychological metaphor

Начиная с 1970-х гг. в психологии к метафоре начали применять эмпирический подход (труды Д. Гордона, Р. Кроули, К. И. Алексеева, И. В. Вачкова, В. Д. Шадрикова и мн. др.). В наши дни проблема метафоры в основном изучается в психотерапевтических целях (работы И. В. Юрченко, В. Н. Богдановича, А. И. Иванова, О. С. Туманова и мн. др.), так как в психологическом консультировании она является способом психологического воздействия на бессознательные слои личности [1, с. 251]. Совершенствуются и методы психологических метафор. Например, «метод цветочных метафор» И. Л. Соломина направляет диагностические практики по пути исследования мотивации личности. Упомянутый метод позволяет при помощи психологических метафор создать «сказочную историю», бессознательная часть которой оформляется в определенные образы, а те, в свою очередь, дают возможность выявить и осознать необходимые задачи. Таким образом, психологические метафоры воздействуют «на все системы человека — от ощущения до самосознания» [2, с. 693].

Основы изучения метафоричности волшебных и авторских сказок заложили К. Г. Юнг, М. Л. фон Франц, Э. Берн, Б. Хелленгер. В современной теоретической и прикладной психологии метафору в сказке полагают ее основой. Так, И. В. Вачков связывает глубину и точность метафоры с результативностью сказкотерапевтических приемов [3, с. 115]. Считается, что сказка психотерапевтична по своей сути. Она являет собой продукт «творческого выражения переживаний автора», тем самым «побуждая к личностному развитию» [4, с. 95]. Например, создание авторской сказки увязывают с методом свободных ассоциаций, который позволяет автору, попавшему в сложную ситуацию, задать

вопросы и найти к ним ответы. Психотерапия сказки помогает как автору, так и читателям, направить необходимый контент из области бессознательного к сознанию [4, с. 95].

Авторская сказка Ф. Р. Дунаевского «Жемчужное зеркало», впервые вводимая в научный оборот, датирована 15 ноября 1915 г. [5, л. 47]. Она отложилась среди биографических заметок Федора Романовича, относящихся к 1909–1916 гг. Текст источника рукописный, он представлен на четырех листах с оборотами [5, л. 47–50 об.]. Сказка отражает мышления автора на тему любви к женщине. Разрабатывая различные вопросы по социальному капиталу, специалист, в том числе в области психологии, Дунаевский заинтересовался сущностью метафоры в психологии личности. Многие его психологические труды были утрачены в силу разных обстоятельств. Тем ценнее сохранившаяся сказка «Жемчужное зеркало», в которой Федор Романович, анализируя перемены в своей судьбе, применяет психологические метафоры.

Сказка «Жемчужное зеркало» изобилует глубокими метафорами, объединяющими логическое и чувственное восприятие мира ее автора. Перед читателем предстает результат «интеллектуальной творческой деятельности» [6, с. 163]. Само зеркало из жемчужин перекликается с образом Е. Н. Вереysкой. Желание заполучить зеркало показывает стремление Ф. Р. Дунаевского заглянуть в душу любимому человеку. Метафоры подвига и рыцарства свидетельствуют о благородных намерениях автора. Использование психологических метафор позволило Дунаевскому проанализировать абстрактные понятия — волшебство, любовь, обман, боль, дряхлость и др. С одной стороны, внутренний мир автора обнажен, ничем не защищен, с другой стороны, его непреклонность перед

трудностями и стремление в достижении цели — все это выступает приемами воздействия на личность читателя. Обращение к вымышленным символам и образам помогло Ф. Р. Дунаевскому выразить силу своей любви.

Созданию авторской сказки Ф. Р. Дунаевского «Жемчужное зеркало» предшествовала предыстория. В 1915 г. художник Георгий Семенович Верейский (1886–1962), призванный на военную службу, был откомандирован в качестве живописца в «Комиссию по описанию боевых трофеев русского воинства и старых знамен». Он служил в «Знаменном отделе» и часто выезжал на фронт. Верейский зарисовывал военные эпизоды и писал портреты Георгиевских кавалеров. В годы Первой мировой войны он окончательно определился как художник-портретист и мастер острой психологической характеристики. По собственной инициативе Георгий Семенович начал создавать серию портретов военных летчиков маслом [7, с. 101]. Так художник познакомился практически со своим земляком — Федором Романовичем Дунаевским (1887–1960), юристом по образованию, по призванию всесторонним исследователем социума, а в годы Первой мировой войны летчиком-механиком [8, с. 118–119]. Портрет Дунаевского вышел красочным и реалистичным.

Почти ровесники, оба чрезвычайно талантливые личности, Верейский и Дунаевский прониклись взаимной симпатией. Первый был замкнутым и стеснительным человеком, отличался наблюдательностью и задумчивостью. Второй — теоретик и экспериментатор, обладал глубоким аналитическим складом ума, его выделяла активная жизненная позиция. В 1938 г. Георгий Семенович написал второй портрет Федора Романовича. Он был выполнен в технике офорта; его характеризуют монохромность и детализация.

Доподлинно не известно, когда Ф. Р. Дунаевский познакомился с супругой художника — детской писательницей Еленой Николаевной Верейской (1886–1966), дочерью крупного ученого историка Н. И. Кареева, матерью двух сыновей. Можно предположить, что их знакомство состоялось во второй половине 1915 г. в Петрограде. На это косвенно указы-

вают записки Дунаевского. 11 декабря 1915 г. в разделе «Еще о любви» он размышлял о ценности истинной привязанности: «Любовь, которая прячется, любовь, от которой отказываются ради чего бы то ни было, не есть настоящая любовь. Ибо настоящая любовь знает, что она относится к ценностям верховным, и что ничто, истинно прекрасное, ей противоречить не может; если противоречит, то не прекрасно. Хотя бы это была сама воля любимого, исполнение которой грозило бы разлукой. Точно также не есть любовь то, что боится разлуки, «измены» любимого, отсутствия взаимности. Я не говорю, что все это не должно огорчать любящего, я хочу сказать, что истинная любовь от всего этого не гаснет. При этом любовь такова не потому, что так хотят или считают нужным, а потому, что она не может быть иной» [9, л. 11–11 об.]. Мыслям Дунаевского вторила Верейская, у которой в марте 1916 г. в «Вестнике Европы» вышел рассказ «Завтра». В поезде молодая девушка, попутчица главного героя Стоянова, разделяет его нетерпение от ожидания завтрашнего дня (его «трудно», «невыносимо дожидаться»); при этом каждый из них связывает свое завтра с собственными планами [10, с. 48].

Дополнительные коррективы в судьбы Верейских и Дунаевского, помимо Первой мировой войны, внесла революционная ситуация. После февральской революции 1917 г. Елена Николаевна с детьми покинула Петроград, найдя приют у родственников покойной матери в Смоленской губернии [11, л. 20]. Г. С. Верейский вернулся в город на Неве в феврале 1918 г. [7, с. 101]. Осенью он приступил к преподаванию в Фототехническом институте и стал сотрудником Эрмитажа по Отделению гравюр [12, л. 7, 13 об.]. Осенью 1922 г. в квартиру профессора Н. И. Кареева на Васильевском острове вернулась Верейская с сыновьями (дочь всегда была очень привязана к отцу). С 1923 г. из Харькова в командировки стал приезжать Ф. Р. Дунаевский, возглавлявший тогда Институт труда [8, с. 122].

Согласно переписке, писательница всю жизнь трогательно заботилась и о Г. С. Ве-

рейском и о Ф. Р. Дунаевском, что во многом позволило сохранить дружбу между ними [8, с. 122]. Верейский был мало приспособлен к быту, но выручала смекалка Елены Николаевны и практичность Федора Романовича. Последние помогли ему пережить кончину сердечной подруги в первой половине 1920-х гг. и длительные, чрезвычайно напряженные отношения с Р. М. Кульчицкой, которая стала после развода Верейских второй женой Георгия Семеновича [13, л. 1–1 об.]. В бракоразводных бумагах Верейских за 1957 г. сохранилось заявление писательницы о расторжении брака, в котором она сообщала, что «с 1923 года я прекратила супружеские отношения с Верейским Георгием Семеновичем и создала семью с другим человеком, с которым живу на протяжении 33-х лет, но юридически оформить наши отношения не могу, т. к. состою в юридическом браке с Верейским Г. С... у каждого из нас имеется другая семья» [12, л. 31].

«Жемчужное зеркало» — название сказки Ф. Р. Дунаевского является индивидуальной психологической метафорой. Она выступает средством выражения его чувств, а также служит интуитивным проводником на протяжении всего повествования.

Главный герой сказки — принц Ро; он олицетворяет автора. «Принц Ро стоял на перепутье, — такими словами начинается сказка. — Ему пришло время, как всякому принцу, совершить свой подвиг, чтобы стать рыцарем. И вот он снарядился и отправился в путь, и теперь не знал, куда ведет одна дорога, а куда другая» [5, л. 47]. Ф. Р. Дунаевский, мобилизованный осенью 1914 г., оставил свои прежние занятия; например, в начале 1910-х гг. он изучал проблему биологического интеллекта человека. Находясь в офицерской авиационной школе, он вел заметки, в которых критически размышлял о смысле жизни. Подвиг в условиях войны он полагал обычным делом, но считал его отчасти вынужденной мерой. Подвигом в сказке становится тернистый путь героя в поисках возможности посредством особого зеркала заглянуть в душу любимому человеку [5, л. 47]. Дунаевский осознанно совершает подмену метафоры под-

вига, перенося предмет из области военного времени в категорию способности души выражать свои чувства и понимать чувства других людей.

Принцу явились две волшебницы, каждая из которых предложила Ро свое направление пути. У героя возникла проблема психологического выбора: с одной стороны, прямая дорога к могуществу, славе, счастливой любви и обретение золотого ларца с неиссякаемыми богатствами, с другой стороны, неведомые извилистые тропинки, полные опасностей и испытаний. Герой сказки, как и Федор Романович, выбрал второй путь. Метафоричность выбора пути давала новый опыт и новые знания. Весной 1915 г., размышляя над понятиями «я» и «самость», Дунаевский сосредоточился на втором. Он стал убежденным сторонником индивидуальной «абсолютной решимости», которая позволяла ему «поднимать “я” до “самости”» [8, с. 121]; последнее представлялось ему в виде архетипа психологической метафоры.

Метафорический язык «Жемчужного зеркала» делает авторскую сказку доступной для анализа, поскольку такие структурные понятия сознания, как чувства, эмоции, воля, увязаны с психологией бессознательного.

Волшебницы незримо сопровождали Ро. Первая волшебница сделала так, чтобы принц упал с лошади, повредил ногу и плечо, а ночуя на земле в лесу, промок до костей. На утро он подъехал к замку, хозяин которого был милостив к путнику, и пожелала, чтобы тот остался жить у него. Добрым хозяином притворился злой волшебник, рассчитывавший выдать за молодого принца свою единственную дочь. Во время разговора с девушкой Ро был окутан волшебными чарами, но сбросить их позволил ответ собеседницы. Когда принц спросил: «Не могла ли ты полюбить меня?» — та сказала, что полюбит его, если принц сделает это первым [5, л. 47 об.]. Тогда Ро поведал ей о цели своего странствия, о желании получить «жемчужное зеркало». Но девушка не разделила стремление принца: «Какой ты нехороший. Ты говоришь мне о любви и в то же время предлагаешь лишения и муки.

Лучше достань золотой ларец... тогда я выйду за тебя» [5, л. 47 об.]. Рыцарские идеалы и поиск истины заставили Ро попроситься с хозяевами замка. Первая волшебница преследовала непокорного принца: во время путешествия она насылала на него диких зверей, непогоду, лихих людей и болезни.

Ф. Р. Дунаевский, зная ценность сказочной метафоры, сводил основные переживания героев к положительным моментам. В простом рубище, без коня, с окровавленными ногами однажды вечером Ро вышел к незнакомому замку. Это вторая волшебница вступила в свои права; она награждала молодого человека за стойкость и мужество. В замке все спали, но на его ступенях принц увидел дворецкого, выполнявшего повеление принцессы — подать гостю плащ и привести его к огню. Добрая принцесса, которую звали Ти, склонилась перед скитальцем в почтённом поклоне, чем удивила разбуженных слуг. Ро был накормлен, обогрет и одет подобающим образом. Когда слуги ушли принцесса спросила незнакомца: «Ты ищешь жемчужное зеркало?» Принц был удивлен такой прозорливости молодой девушки, ведь он мало кому сообщал о цели своего пути. Ти попросила Ро взять ее с собой, потому что вдвоем им будет лучше. А на вопрос принца о том, кто так хорошо научил ее читать по глазам, ответила, что это любовь к нему [5, л. 48]. Ро был ошеломлен. Принцесса произнесла: «Я любила тебя задолго до твоего прихода, и я узнала тебя, как только увидела» [5, л. 48 об.]. Принц признался, что в глазах Ти он увидел не только ее, но и свою душу. Ро еще не осознал, что перед ним в образе прекрасной принцессы, было то самое заветное зеркало. Автор использовал принцип переносного значения метафоры.

Молодые люди стали неразлучны. Большую часть времени они молчали, потому что могли читать мысли друг друга по глазам. Отдавая друг другу все, они обменивались потоками сознания. «Ро и Ти бесконечно перебирали мысли и переживания друг друга, стараясь найти те, где у них не оказалось бы понимания и гармонии. Беспечностью этих бесплодных поисков они измеряли

бесконечность своего невероятного счастья» [5, л. 48 об.]. Ф. Р. Дунаевский обращается к психологической метафоре, чтобы читатель получил возможность ощутить взаимосвязь сознательного и бессознательного.

Первая волшебница не смогла спокойно наблюдать за крушением ее планов. Она ни спослала Ро и Ти новые испытания, когда те двинулись в дорогу за мечтой принца. Первое заключалось в обмане, создании иллюзии для любящих глаз; она поместила в сознание молодых людей мысль об измене. Но они с честью выдержали это испытание. Затем волшебница организовала погоню за молодыми людьми от имени короля, отца Ро. Преследователи увещевали принца в том, что он напрасно идет за звездой, но принц был непреклонен — он предпочел реальность нищеты отказу от Ти [5, л. 49 об.]. Ночью, когда погоня прекратилась, волшебница превратила Ро в дряхлого старца, с лица которого время стерло все краски, но принцесса, проснувшись утром, осыпала лицо принца горячими поцелуями и сказала: «Ничто не заставит меня разлюбить тебя, родной» [5, л. 49 об.]. Тогда волшебница привела разбойников, которые выкрали Ти, а Ро связали и оставили на пыльной дороге.

Принц превратился в скитальца, нигде в мире он не находил себе места. У него не было ничего: ни богатства, ни друзей, ни молодости, ни любимой. «Глубиной своего трагического счастья он измерял теперь глубину своей скорби» [5, л. 49 об.]. Утратив надежду встретить доброго волшебника, Ро сбился с пути. Первая волшебница сменила гнев на милость и явилась перед страдальцем в образе молодой девушки по имени Ки, которая с виду была ангелом. Она взяла принца за руку и намеривалась отвести его к золотому ларцу, обещая вернуть молодость. Ро воспротивился, ведь он намеревался стать гордым рыцарем, для этого он терпел личностные трансформации. Принц жаждал подвига или смерти. Ки с презрением заметила, что к нему приближается закат жизни, что его идея подвига на общем человеческом фоне ничтожна. Ро больше не верил в то, что если он заберется на гребень волны, преодолевая обстоя-

тельства вопреки всему, то у него будет шанс заглянуть в волшебное зеркало [5, л. 50]. Ки исчезла, а Ро оставили последние силы.

Напоследок принц призвал Ти как видение. Принцесса, бывшая затворницей в башне, слышала мольбу любимого. «Ее сердце устремилось к нему с такой силой, что решетки темницы упали, она прыгнула в пропасть, но не разбилась, потому что благоговейный порыв ветра понес ее через леса, горы и бережно опустил рядом с Ро. Радость их... была столь велика, что произошло чудо: их слезы смешивались и омывали раны принца, принося ему исцеление» [5, л. 50–50 об.]. Использование психологических метафор позволяет автору сказки показать эмоциональный уровень главных героев, а также результат исцеления их душ.

В конце сказки Ф. Р. Дунаевский обращается к ассоциативным психологическим метафорам, чтобы неожиданным образом подвести главного героя к его цели. Ро и Ти снова двинулись в путь. Сами не зная как, они очутились на берегу океана у хижины доброго волшебника.

Когда принц поведал о своем желании заглянуть в волшебное зеркало, старик указал на водную гладь и сказал: «Жемчужное зеркало находится на вершине отвесной скалы, которая затеряна в океане. Никто не сможет показать тебе, в каком месте она находится... Но, если ты его и отыщешь, ты не сможешь заглянуть в зеркало без волшебного стекла, которое хранится у меня» [5, л. 50 об.]. Ро узнал, что за обладание этим редким предметом волшебник заставит принца разлюбить принцессу. Ро, не задумываясь, отказался от своей мечты во имя любви. Добрый волшебник улыбнулся и протянул принцу волшебное стекло со словами: «Ты уже стал тем, к чему стремишься. И ты обладаешь даром читать в душах людей» [5, л. 50 об.].

Обращение Ф. Р. Дунаевского к психологической метафоре в сказке «Жемчужное зеркало» раскрывает психологию его личности. Автор проанализировал такое сложное абстрактное понятие, как любовь. Он продемонстрировал личностную решимость и внутренние установки.

Список источников

1. Юрченко И. В. Специфика построения метафор в психологическом консультировании // Ученые записки Курского гос. ун-та. 2012. № 4. Т. 1. С. 247–251.
2. Липская Т. А. Возможности метафоры как психологического метода // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 4–3. С. 691–695.
3. Вачков И. В. Сказочная метафора как средство взаимоотношения // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 1. С. 111–118.
4. Богдановская И. М., Королева Н. Н., Углова А. Б. Метафорическое отражение психологических проблем подростков в индивидуальной сказке // Герценовские чтения: психологические исследования образования. 2020. Вып. 3. С. 92–100.
5. Статьи Ф. Р. Дунаевского // РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 138. Л. 1–50.
6. Юрченко И. В. Психологические функции метафорического контекста // Ученые записки Курского гос. ун-та. 2012. № 3. Т. 1. С. 162–164.
7. Вахромеева О. Б. Несостоявшееся музейное собрание работ Г. С. Верейского: автобиография художника как ключ к его творческому наследию // Вопросы музеологии. 2021. Т. 12. Вып. 1. С. 94–107.
8. Вахромеева О. Б. Curriculum vitae Федора Романовича Дунаевского (1887–1960). «По существу» // Вестник СПГУТД. Сер. 2. 2020. № 4. С. 118–126.
9. Заметки Ф. Р. Дунаевского // РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 140. Л. 1–89.
10. Кареева Е. Завтра // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 45–54.
11. Личное дело Е. Н. Верейской. Автобиография, документы Г. С. Верейского // ЦГИА СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 36. Л. 1–47.

12. Личные документы Г. С. Верейского // ОР РНБ. Ф. 1129. Д. 421. Л. 1–33.

13. Письма Е. Н. Верейской (Кареевой) к Р. М. Верейской (Кульчицкой) // ОР РНБ. Ф. 1129. Д. 562. Л. 1–12.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 21.11.2025.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 21.11.2025.

Информация об авторах:

О. Б. Вахромеева — доктор исторических наук, профессор кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах;

Б. А. Вахромеев — аспирант кафедры бизнес-информатики и менеджмента (№ 82) первого года обучения; ассистент кафедры международного предпринимательства (№ 83).

Information about the Authors:

O. B. Vakhromeeva — Doctor of Sciences (History), professor at the Department of History for Teaching in Natural Sciences and Humanities Faculties;

B. A. Vakhromeev — first-year postgraduate student at the Department of Business Informatics and Management (N 82); assistant at the Department of International Entrepreneurship (N 83).